

МУРЗИША

ЖУРНАЛ ЦК ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ОКТЯБРЯ

1974 ОКТЯБРЬ

№ 10

СОБИРАЕМСЯ В КРУЖОК

...После отбоя вожатая Люба тихо прошла по спальням. На каждой кровати она увидела полотенце, завязанное узлом. Это был условный знак: «Разбудите меня. Я хочу идти «тропой смелых». Пришлось будить всех. Люба напомнила условие: «Ни звука. Никаких песен, окликов. Идём к нашей погляне. Там костёр, пионеры ждут».

Все ребята любят в кружок собираться. С него игра начинается: стали в кружок, сказали «считалку», сразу известно, кому водить.

Или новенький появится — тотчас кружком обступят: как зовут? Откуда приехал?

Есть у нас хороший обычай и у маленьких и у взрослых: приключилось что-нибудь хорошее или тревожное — люди спешат друг к другу: поговорить, посоветоваться.

Вот и мы на страницах «Мурзилки» будем собираться в свой октябрьский кружок. Здесь и поиграем, и песню споём, и спляшем. Здесь и поговорим, посидим. Каждый скажет, что думает, как, например, октябрьата из пионерского лагеря «Берёзка». Правда, их октябрьский кружок был не совсем обычный. Сидели ночью, в темноте, на ступеньках террасы, на траве. Говорили вполголоса, перебивали друг друга. Что же случилось?

Двинулись. Темно в лесу. Тихо. И вдруг «ку-ку». Только это не птица, а кто-то из ребят.

— Стой! — сказала Люба. — Мы нарушили условие. Возвращаемся.

Ребята зашумели: «А кто куковал? Кто виноват, пусть идёт обратно!»

До лагеря дошли быстро. Но в спальню идти никто не хотел.

— Обидно! Один всех подвёл.
— Может, это нарочно, чтоб мы вернулись?

— Такое нарочно не делают.

— А может, со страху? Мне тоже хотелось запеть или свистнуть.

— И мне.

— Кто боялся, нечего было ходить. Я вообще ничего не боюсь.

— Не хвались. Помнишь, от уколов бегал.

— Ну, только уколов и боюсь.

— А я крови.

— А я — вдруг что-нибудь с мамой случится. И темноты. Ужасно боюсь.

— Девочки вообще трусихи. Всего боятся. Лягушек. Разных пауков. Жуков. Гусениц. Один смех.

— Можешь смеяться. Зато кто тебе занозу вытаскивал? Кто? Ты целый день дрожал, пока решился.

— Я не дрожал.

— Дрожал, дрожал!

— Мне деда говорил, что на фронте солдату тоже страшно бывает. Только он никогда не покажет.

— Сравнил — на фронте. Там совсем другое.

— Почему другое?

— Там про себя никто не думает.

— Вообще страшно только поначалу.

Мы в деревню приехали. Вечером гонят коров. Они мычат. Некоторые прямо нагнут лоб — рогами вперёд. Я по-

Рис. В. ПЕРЦОВА

шла встречать с бабушкой. Бабушка старенькая и ничуть не боится. Я тоже потом привыкла.

— Ну теперь начали, про коров, про собак... Ерунда разная...

Тут все услышали голос вожатой.

— Почему же ерунда, ребята? Вы об очень серьёзных вещах говорите. Если страшно, не беда. Каждый человек может чего-то пугаться. Беда, если при этом больше ни о чём думать не хочешь. Только о себе беспокоишься. Даже про товарищей забываешь. Тогда и получаются такие истории. Правда, «кукушка»?

— Правда! — Ответ был еле слышен, но все узнали тихого Бориса.

— Я была уверена, Боря, что ты признаешься. Ну пора расходиться. Спокойной ночи.

И. ЗАРАХОВИЧ

Разговор о храбрости и боязни не окончен. Он продолжается в номере.

НИКИТА РАЗБОЙНИКОВ

С. РОМАНОВСКИЙ

В моей комнате в Доме рыбака было две железные кровати. На одной спал я, а на другой никто не спал.

Однажды я проснулся позднее обычного и обнаружил, что на кровати напротив сидит человек. Это был круглолицый мальчик лет шести, плотный и светлый, как лён, с бесстрашными круглыми глазами.

— Здравствуй, — поздоровался я. Он нехотя кивнул.

— А вслух не хочешь здороваться? — спросил я. — Языка у тебя нет или дела одолели?

— Я на таракана смотрю, — объяснил мальчик. — Он за печку убежал. — И прибавил: — Никитой меня зовите.

— Дядя Слава, — представился я в свою очередь.

Пришёл Никитин отец, жилистый мужчина с такими же глазами, как у сына, и большим охотничим ножом на поясе, поздоровался, назвался Разбойниковым, объяснил, что из-за наплыва посетителей на субботу и воскресенье их поселили в мою комнату. Он пригласил меня взглянуть на щуку, которую только-только поймал на блесну.

Мы вышли на крыльцо.

Щука с зелёной спиной и белым грязным брюхом, толстая, как поросёнок, лежала на траве, а вокруг неё толпился народ: хозяйка дома Галина Павловна, её дети, близнецы-первоклассники Серёжа и Света, и множество новых посетителей.

Щука была ещё жива, и, когда хозяин сын Серёжа дотронулся до её костистого носа, она распахнула зубастую пасть — народ охнул, а Серёжу как ветром сдуло.

Рис. Ю. МОЛОКАНОВА

— Живучая! — говорили посетители. — Ей палец в рот не клади.

— Отрежет — обратно не пришьёшь.

— Как я её вытащил, и сам не пойму, — признался отец дрогнувшим голосом. А Никита сел на щуку, как на скамейку, и победно поглядел на Серёжу и Свету. Щука завозилась под ним, а он и бровью не повёл и запел:

— Я конник! Я смелый конник! Еду верхом на зелёном коне. Конь, быстрее! Я Котовский. Саблей раз! Быстрее, зелёный конь!

— Тихо, Никита, тихо, — говорил отец, а толпа одобрительно улыбалась, и от её одобрения всадник ещё более распался. Глаза его пылали огнём, а голос стал звонче и воинственнее.

Поглядывая на Серёжу и Свету, Никита заявил отцу:

— Папа, давай бороться!

И, не спрашивая согласия старшего, мальчик вцепился в отцовскую штанину и не выпускал её до тех пор, пока отец не притворился побеждённым и не повалился на траву. Сын вскарабкался на грудь поверженного отца и, тяжело дыша, сообщил:

— Я очень сильный.

У Серёжи и Светы были испуганные лица.

Отец спросил:

— Можно встать или нельзя?

Никита отпустил отца не сразу: мальчугану нравилось, что все смотрят на него и восхищаются силой и смелостью.

Отец встал, отряхнулся, взял щуку за жабры и понёс на реку потрошить, благо река Вятка была рядом. Он нёс щуку за жабры, а Никита, поспевая за отцом, придерживал её за хвост.

Разбойников-старший положил щуку на белый камень и охотничьим ножом неумело проколол ей брюхо. Хозяйка Галина Павловна, вздохнув, распорядилась:

— Дайте-ка я сама выпотрошу.

Отобрала нож у Никитиного отца, ровно, как по линейке, разрезала щучий живот, вынула красные и сизые внутренности, оставив на месте медово-жёлтый пласт икры, соскоблила чешую, ссекла плавники, сполоснула рыбину и нож в реке Вятке и с улыбкой спросила Разбойникова-старшего:

— Нож у васально больной. За него в милицию не заберут?

— Не должны, — с улыбкой же ответил старший. — Он у меня зарегистрирован.

А младший Разбойников громогласно объявил:

— Мы никого не боимся!

Хозяйка погладила его по светлой, как лён, голове и сказала:

— Чего ты, парень, какой шумный? Кто много кричит, тот голос скоро сорвёт. Люди-то старше тебя...

— А я их сильнее! — сказал Никита. И с упоением запел:

Я победил папу!
Я победил щуку!
Я победю всех.
Я Котовский!..

Отец поправил сына:

— Сынок, ты неправильно поёшь. «Не победю»... А как же сказать-то? Тут другое слово нужно.

А хозяйкина дочь Света еле слышно пролепетала:

— Ты и не Котовский.

В наступившей тишине Никита подошёл к девочке и, не сводя с неё своих круглых бесстрашных глаз, спросил таким голосом, что даже мне стало страшно:

— Это почему же я не Котовский? Почему?

Света спряталась за своего брата, а тот моргал глазами, и уши его стали красными.

А Никита Разбойников, не трогаясь с места, будто не замечая исчезновения девочки, повторил свой вопрос на этот раз в перепуганное лицо Серёжи:

— Это почему же я не Котовский?
Серёжа пробормотал растерянно:

— У тебя волосы на голове. Котовский был бритый...

— Да? — яростно вскричал Никита Разбойников и обеими руками вцепился в оттопыренные Серёжины уши. Лицо Серёжи стало пунцовым от страха. Он робко толкнул своего преследователя, и тот как подкошенный повалился на песок. Но тут же вскочил на ноги и опять кинулся на Серёжу. На этот раз Серёжа толкнул его что было сил.

И грозный человек Никита Разбойников, как мяч, отлетел от Серёжи, кувыкаем покатился по песку и замер.

А потом встал и, прихрамывая, пошёл к Дому рыбака. Был он весь в песке. Плечи его вздрагивали от рыданий.

Хозяйка отвесила подзатыльник своему сыну, но тот, потрясённый собственной победой, перенёс его с мужеством настоящего мужчины, только уголки губ задёргались, и рот его в это недолгое время походил на сковородник.

Отец догнал Никиту, взял его на руки, и тут мы услыхали такой рёв, какого ни до, ни после мне слышать не приходилось.

На ужин отведать знаменитой щуки собралось всё население Дома рыбака, кроме Никиты Разбойникова. У него начался жар, он лежал в постели, отец сидел рядом, и я самолично принёс им лучший кусок рыбы, зажаренной на растительном масле.

Голова у Никиты была обвязана махровым полотенцем. При моём приближении он зажмурил оба глаза и, как бы в бреду, застонал. Я сказал Разбойникову-старшему:

— Вашей щуки хватило на всех! Все сыты, и все говорят вам спасибо.

Он несколько смущился и пробормотал:

— И вам спасибо за такие слова...
Разбойников-младший, приоткрыв один глаз, молча наблюдал за нами.

Ночью, лёжа в постели, я слышал, как Никита разговаривал с отцом.

— Папа, — шептал он горячо. — Папа! А чего он говорит, что Котовский был без волос? Волосы у него были, папа! А то пуля пробьёт ему голову, и он умрёт. А в волосах она запутается и упадёт на пол.

— Упадёт, упадёт, — успокаивал его отец. — Спи, маленький.

Утром Никита встал бодрым и ясным. Он стоял на крыльце и, увидев Серёжу и Свету, насупился.

Серёжа и Света смотрели на него спокойно, и в глазах у Никиты уже не было прежнего бесстрашения.

После завтрака Никита пришёл в самое бодрое настроение и вызвал отца бороться. После непродолжительной схватки, как и следовало ожидать, Никита свалил отца, вскарабкался к нему на грудь и потребовал:

— Проси пощады!

Прожили они в Доме рыбака долго — недели три. Никита Разбойников окреп, загорел, даже, как мне показалось, раздался в плечах. Здесь, на вятских берегах, мы отметили его день рождения — человеку стукнуло шесть лет. Он по-прежнему любил бороться, но только с отцом. С другими, даже маленькими ребятами отныне ни в какие сражения Никита не вступал.

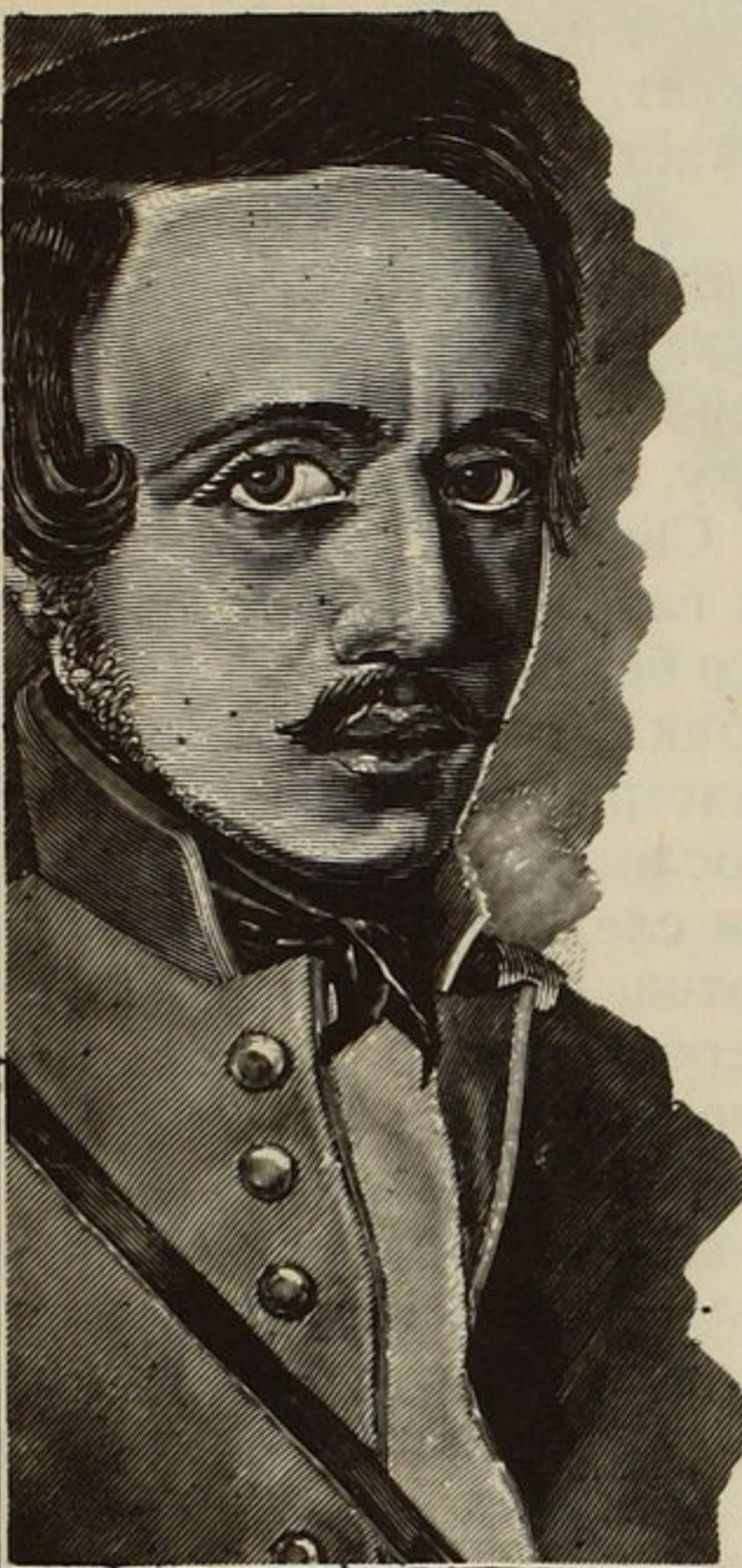

М. Лермонтов

(1814—1841)

Михаил Юрьевич Лермонтов... Ты уже знаешь это имя. И будешь знать всегда, будешь любить всю жизнь стихи Лермонтова. Они помогут тебе видеть красоту в природе, в людях, в слове, ценить ум и прямоту, смелость и отвагу.

Как хорошо, что тебя ждёт такая долгая, на всю жизнь, дружба с поэзией Лермонтова!

Москва, Москва!.. Люблю тебя как сын,
Как русский, — сильно, пламенно и нежно!
Люблю священный блеск твоих седин
И этот Кремль зубчатый, безмятежный.
Напрасно думал чуждый властелин
С тобой, столетним русским великаном,
Померяться главою и — обманом
Тебя низвергнуть. Тщетно поражал
Тебя пришлец: ты вздрогнул — он упал!
Вселенная замолкла... Величавый,
Один ты жив, наследник нашей славы.
Ты жив!.. Ты жив, и каждый камень твой —
Заветное преданье поколений.

УТЁС

Ночевала тучка золотая
На груди утёса-великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утёса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко,
И тихонько плачет он в пустыне.

моя мама пахнет хлебом

В. СУХОМЛИНСКИЙ

В детский сад пришли два новичка — Толя и Коля. Их привели мамы.

Мальчики познакомились. Толя спросил Колю:

— Где работает твоя мама?

— А разве ты не догадался? — удивился Коля. — Она же так пахнет лекарствами. Моя мама врач. Заболеет

человек — мама вылечит. А твоя мама где работает?

— А ты не знаешь? — сказал Толя. — Она же так пахнет хлебом. Моя мама пекарь. Она кормит людей. Без хлеба не мог бы жить никто.

— И врач? — спросил Коля.

— И врач, — ответил Толя.

Рис. А. ЛИВАНОВА

ВСЯ ЖИЗНЬ — ПОДВИГ

Шла гражданская война. Рабочие и крестьяне бились за Советскую власть.

На Украине враги захватили город Шепетовку. А в Шепетовке, скрываясь в подполье, работал революционный комитет — ревком. Одного из членов ревкома арестовали. Его вели, чтобы отдать под суд.

Коля Островский — а было ему тогда пятнадцать лет — знал, что подпольщика ожидает казнь. Он безоружный бросился на конвоира, выхватил у него винтовку и спас арестованного большевика.

Вся юность Николая Островского прошла в битвах за Советскую власть. Он разбрасывал большевистские листовки среди вражеских войск. Ходил в разведку. А когда Красная Армия пошла в наступление, с отрядом коммунистов и комсомольцев ушёл на фронт. Это был 1920 год — время тяжёлых боёв.

Той же осенью Николай был контужен. Позже в бою за Львов был снова тяжело ранен. После ранения он надолго заболел, но и, больной, Николай Алексеевич продолжал борьбу за Советскую власть, за рабочее дело. Он написал книгу о своей юности и назвал её «Как закалялась сталь». В герое книги — Павле Корчагине мы узнаём самого Николая Островского.

Когда вы, читатели «Мурзилки», станете большими, вы прочтёте всё, что написал Островский, и узнаете, как сражались ваши деды за родную Советскую власть.

Л. ВОРОНКОВА

Николай Островский.
29 сентября наша страна
отметила семидесятилетие
со дня его рождения.

СПАСЕНИЕ ЖУХРАЯ

из книги «КАК ЗАКАЛЯЛАСЬ СТАЛЬ»

На шоссе из-за поворота вышли двое.

Впереди шёл коренастый рабочий в расстёгнутом пиджаке, из-под которого виднелся полосатый тельник, в чёрной, надвинутой на лоб кепке, с тёмно-синим кровоподтёком у глаза. Он твёрдо шагал слегка выгнутыми ногами, одетыми в жёлтые короткие

сапоги. В трёх шагах позади него, почти упираясь штыком в его спину, шёл петлюровец в сером жупане, с двумя патронташами на поясе.

Из-под мохнатой шапки смотрели в затылок арестованного узенькие насторожённые глаза. Жёлтые, прокуренные махрой усы топорщились в стороны.

Лиза, слегка замедлив шаг, перешла на другую сторону шоссе, а сзади неё на шоссе вышел Павел. Повернув вправо по дороге к дому, он тоже увидел идущих. Ноги приросли к земле. В переднем он сразу узнал Жухрая.
«Так вот почему он не вернулся!»
Жухрай приближался. Сердце Корчагина заколотилось в груди. Мысли

бежали одна за другой. Слишком мал был срок для решения. Одно было ясно: Жухрай погиб.

«Что делать?»

В последнюю минуту вспомнил: в кармане револьвер. Как только пройдут мимо, выстрелить в спину вот этому, с винтовкой, и тогда Фёдор свободен. И от мгновенного решения прекра-

тилась пляска мыслей. Крепко, до боли, сжались зубы. Ведь только вчера Фёдор говорил ему: «А для этого нужна братва отважная...»

Павел быстро оглянулся. Улица, ведущая в город, была пустынна. Далеко впереди торопилась женская фигурка в весеннем коротком пальто. Она не помешает. Второй улицы, идущей в сторону от перекрёстка, он не мог видеть. Лишь вдалеке по дороге на станцию виднелись человеческие фигуры.

Павел подошёл к краю шоссе.

Жухрай увидел Корчагина, когда тот был от него на расстоянии нескольких шагов.

Вздрогнули густые брови. Узнал и от неожиданности задержал шаг. Его спина наткнулась на конец штыка.

— Ну, ты, шевелись, а то прикладом огрею! — взвизгнул конвоир.

Жухрай зашагал шире. Он что-то хотел сказать Павлу, но сдержался и, как бы в знак приветствия, махнул рукой.

Чтобы отвлечь внимание рыжеусого, Павел, пропуская мимо себя Жухрая, безразлично отвернулся в сторону.

Но мелькнула тревожная мысль:

«Если я выстрелю в него и промахнусь, то пуля может попасть в Жухрая...»

Разве можно было думать, когда петлюровец уже был рядом?

И случилось так: с Павлом поравнялся рыжеусый конвоир; Корчагин неожиданно бросился к нему и, схватив винтовку, резким движением пригнул её к земле.

Штык с лязгом скребнул о камень.

Петлюровец не ожидал нападения и на миг оторопел, но сейчас же рванул винтовку к себе изо всех сил.

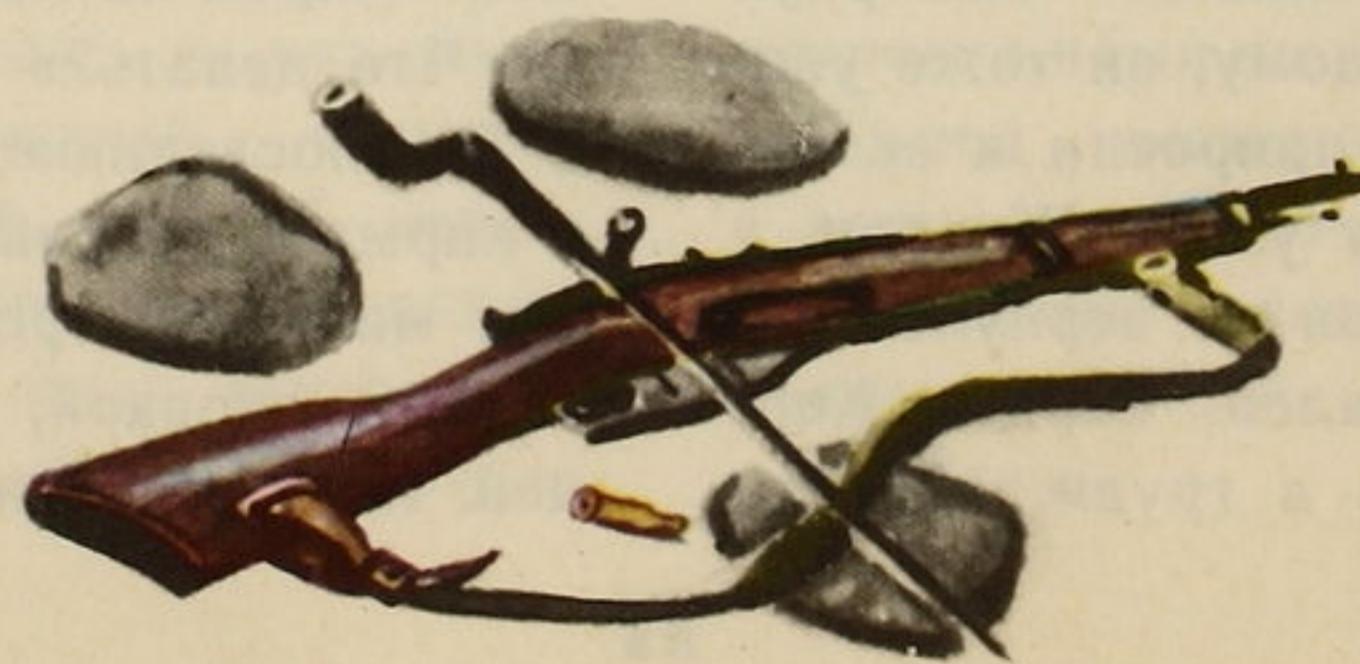
Навалившись всем телом, Павел удержал её.

Бабахнул выстрел. Пуля ударила о камень и, взвизгнув, отскочила рикошетом в канаву.

От выстрела Жухрай отпрянул в сторону и обернулся. Конвойный остервело рвал винтовку из рук Павла. Он крутил её, выворачивая юноше руки. Но Павел не выпускал винтовку. Тогда разъярённый петлюровец резким движением свалил Павку на землю. Падая на мостовую, Павел увлёк за собой и конвоира, и не было силы, которая заставила бы его выпустить оружие в такую минуту.

В два прыжка Жухрай очутился рядом. Железный кулак его, описав дугу, опустился на голову конвоира, а через секунду, оторванный от лежавшего на земле Корчагина, получив два свинцовых удара в лицо, петлюровец тяжёлым мешком свалился в канаву.

Те же сильные руки подняли с земли Павла и поставили на ноги.

КОНКУРС «НАШИ ПТИЦЫ»

Есть хотим!
Рис. Гали Мозговой

Курочка.
Рис. Оли Абрамовой

Я очень люблю кур, а особенно маленьких цыплят. Когда они выведутся и покроются пухом, они кажутся маленькими комочками. Ещё я люблю кормить цыплят кашей. Когда цыплята привыкнут, они клюют прямо из рук. А найдут червяка, делят его. Кому не достанется, тот бывает очень обижен.

Оля САВИНОВА

Мы с братом любимходить в лес. В лесу хорошо поют птицы.

Мы стали следить за сорокой. Мы спрятались за кусты и бросали ей крошки хлеба. Сорока сама не стала есть, пока не накормила маленьких сорочат.

Андрей ТУПЫГИН

Мы с подругой Ниной увидели около дома ласточку с большой ножкой. Мы взяли её домой, забинтовали ножку и покормили птичку. Ласточка стала у нас жить. Она привыкла к нам, и было очень жалко её выпускать, ведь мы стали друзьями.

Люба РУМЯНЦЕВА

Зяблик.
Рис. Эльвиры Галаниной

Крутой выраж.
Рис. Серёжи Тупыгина

Птичка-синичка.
Рис. Оли Савиновой

Петушок.
Рис. Оли Абрамовой

Эти рисунки и рассказы прислали нам ребята из Павловской средней школы Владимирской области, сузdalского детского дома № 2 и из 15-й и 17-й средних школ города Владимира.

Осень. Птицы летят.
Рис. Саши Шехавцова

Рис. А. СЕМЁНОВА

Мурзилка делал на палубе зарядку и вдруг заметил среди волн странное существо. Оно бежало на тонких лапах. За ним второе и третье.

— Гигантские пауки! — хотел крикнуть Мурзилка, но вовремя оглянулся и покраснел: это приближались рыбакские лодки, с которых во все стороны торчали удочки. На куртках рыбаков белели флаги с красным солнцем.

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

РАССКАЗАЛ

Э. Кожевников

— Раз солнце на флагже — это Япония, — сказал Мурзилка.

— А вон и знаменитый вулкан Фудзияма, — показал вперёд капитан.

Над берегом сияла громадная снежная вершина.

«На вулкане я, конечно, побываю!» — подумал Мурзилка и запел:

Ты, море, ветром не грози
И не пугай волнами,
Я побываю на Фудзи,
На самой Фудзияме!

Как только пароход подошёл к причалу, он схватил рюкзак и прыгнул вниз на гору досок. Доски лежали на грузовике. Грузовик фыркнул, помчался по улицам города, и по бокам замелькали серые домики. Доски пружинили, подбрасывали Мурзилку — ему казалось, что вокруг летают похожие на жуков буквы, сушёные каракатицы и цветные флаги.

— Стой! — крикнул Мурзилка. — Мне не нужно в город, мне нужно на

定 14-69

МУРЗИЛКА

Фудзияму, вверх! — Впереди себя он увидел какую-то верёвку, ухватился за неё и почувствовал, что летит. В лапах у него был хвост огромного бумажного змея. Подул ветер, и змей потянулся высоко в небо, где, как зонтики от солнца, висели три прозрачных облака.

Машины внизу бегали, как муравьи. Зелёные рисовые поля мгновенно превратились в крохотные платочки.

— Ого! — испугался Мурзилка и закричал: — Остановись, выше не надо!

Но бумажный змей не слушал его. Навстречу Мурзилке поднималась уже вершина вулкана. «А что? — подумал Мурзилка. — Нужно только справиться со страхом, и можно спланировать на гору!»

Но в это время раздался треск, верёвка зацепилась за выступ скалы, и Мурзилка плюхнулся на розовую верхушку вишни-сакуры. Он спрыгнул и оказался на тропе, по которой поднимались в гору японские ребятишки. Они были в зелёных костюмчиках, с рюкзаками. Мурзилка пошагал за ними. Все шли быстро, и маленькая девочка — она шла сзади всех — стала отставать. Мурзилка подбежал к ней и упёрся лапами в рюкзак. Девочка шагала быстрей, а когда оглянулась, удивилась и сказала: «Аригато».

«Конечно, это по-японски спасибо», — догадался Мурзилка. Скоро школьники остановились на привал.

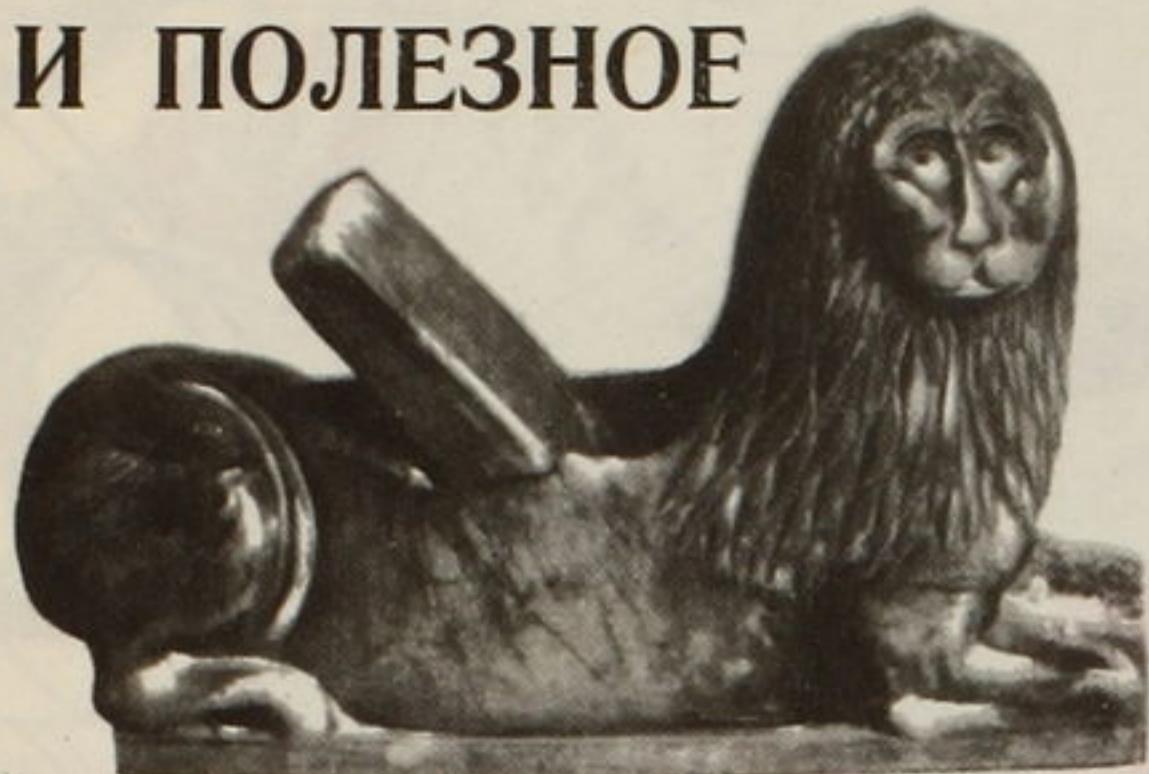
Но Мурзилке было некогда. Он немного устал, в лицо ему дул ветер. Вокруг сверкал снег, за хвостик берета задевали облака. А впереди синел океан, и сбоку возвышалась красная телевышка.

— Кажется, я на Фудзияме! — воскликнул Мурзилка и увидел внизу канатную дорогу, по которой в ярких люльках поднимались на вулкан туристы. «Нет, я добирался веселее, — гордо подумал Мурзилка. — Но спуститься можно и в вагончике. Вот только отдохну...»

Продолжение на стр. 22

КРАСИВОЕ И ПОЛЕЗНОЕ

1

Как приятно самому что-нибудь смастерить! Например, сделать полку для книг или рамку для фотокарточки выпилить. Но, как ни трудолюбив хозяин, всё же большинство вещей у него в квартире из магазина.

Однако не всегда так было. Ещё твой прапрадедушка каждую вещь в своём доме мастерил сам, да и дом-то возводил своими руками. Но раньше, чем начинать строить избу, готовил он инструмент.

Ты видишь вверху старинный рубанок в форме лежащего льва. Для его владельца было недостаточно иметь просто добротное приспособление для обработки деревянных поверхностей. Ему нужно было, чтобы глаз радовался красоте вещи. Красота и польза у твоего прападедушки жили рядом. Поэтому русский умелец, построив удобную тёплую избу, не прятал свой инструмент. Резьбой украшались наличники окон, резьбой покрывались ворота — всё находило своё завершение под умным взглядом простого плотника. Мы можем по праву считать его и художником, и архитектором из народа.

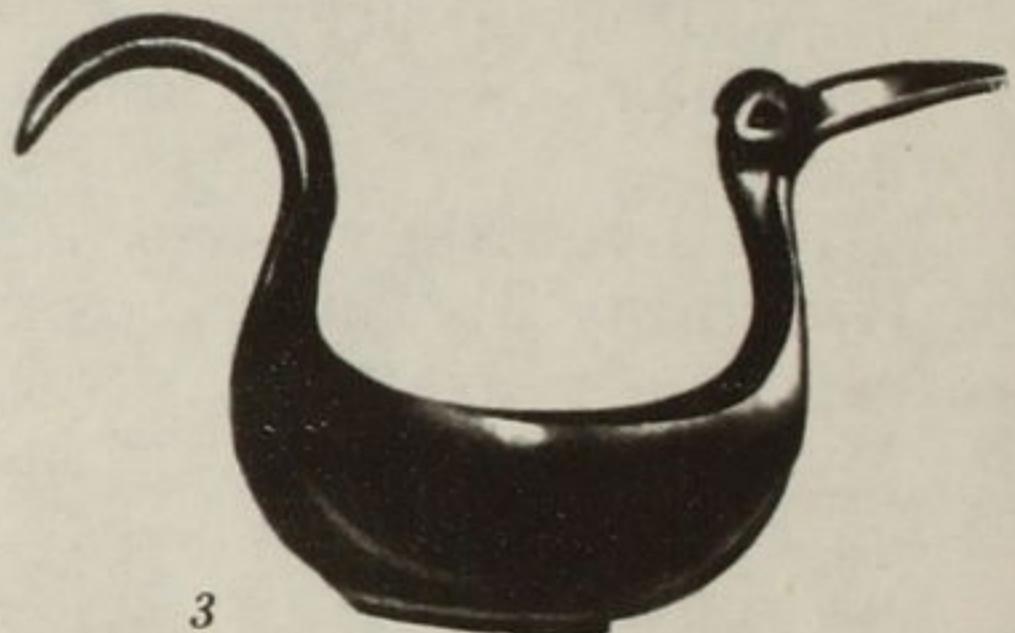
На этих страницах изображены некоторые вещи, изготовленные в разное время деревенскими жителями для своего обихода. Детские санки, рубель для белья, ковш, солонка — много всего! Разные люди создавали эти предметы, но была у них одна общая черта: стремление к красоте.

Красивое помогает не только отдыхать, но и работать. Не забывай об этом, когда ты снова возьмёшься за самоделки.

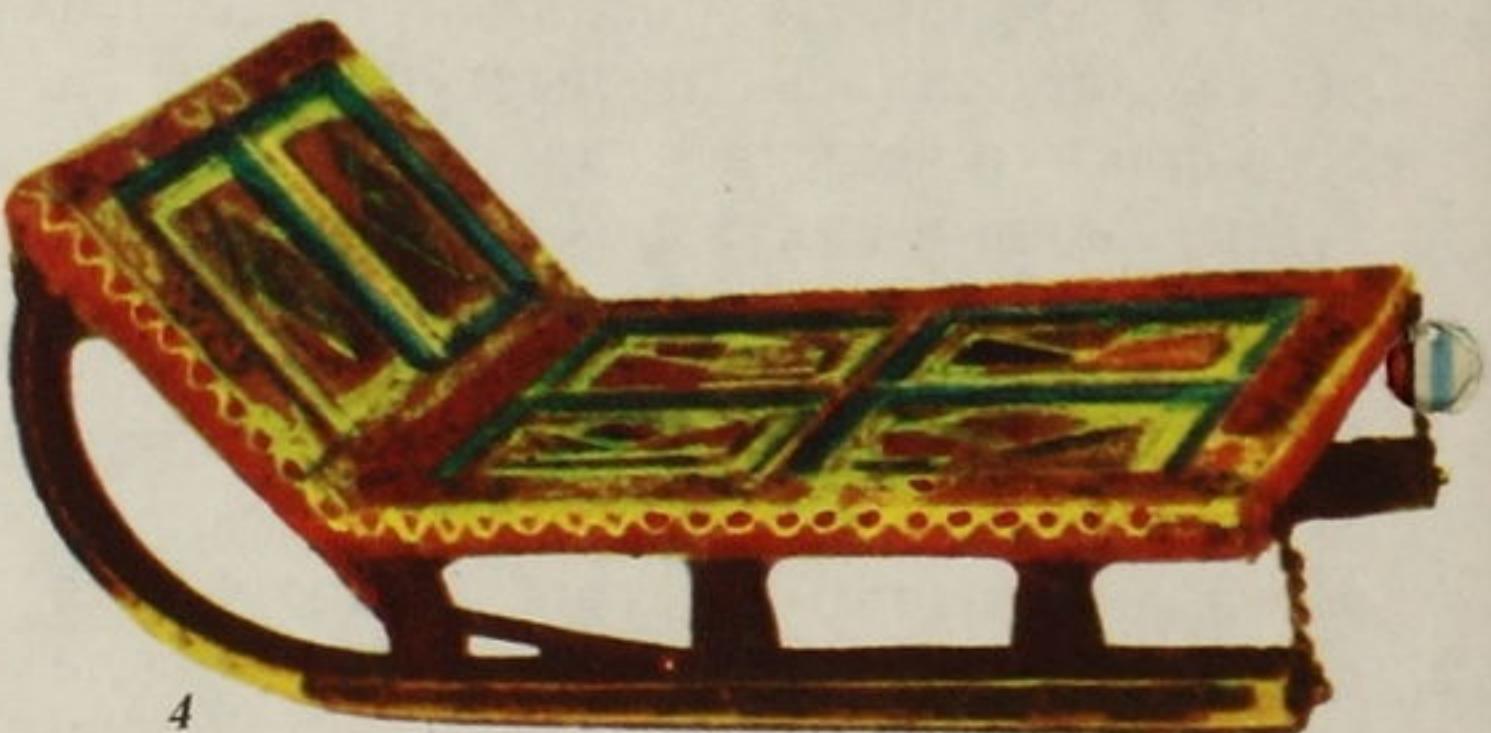
Л. ТОКМАКОВ

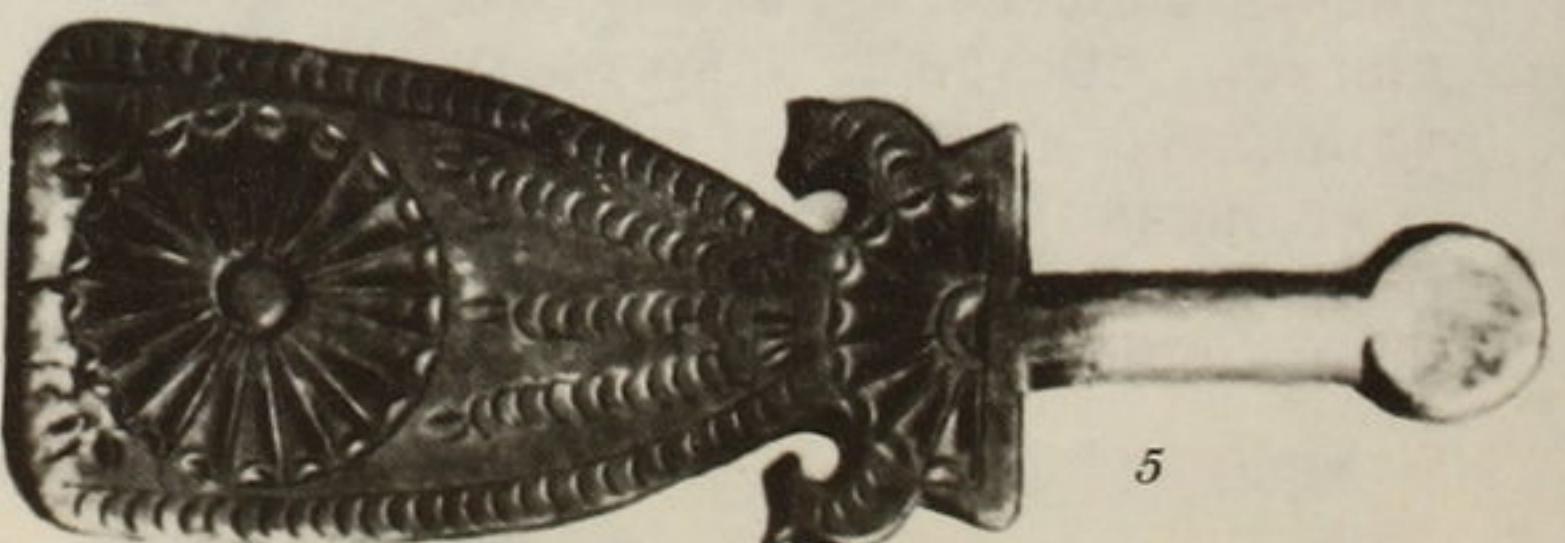
2

3

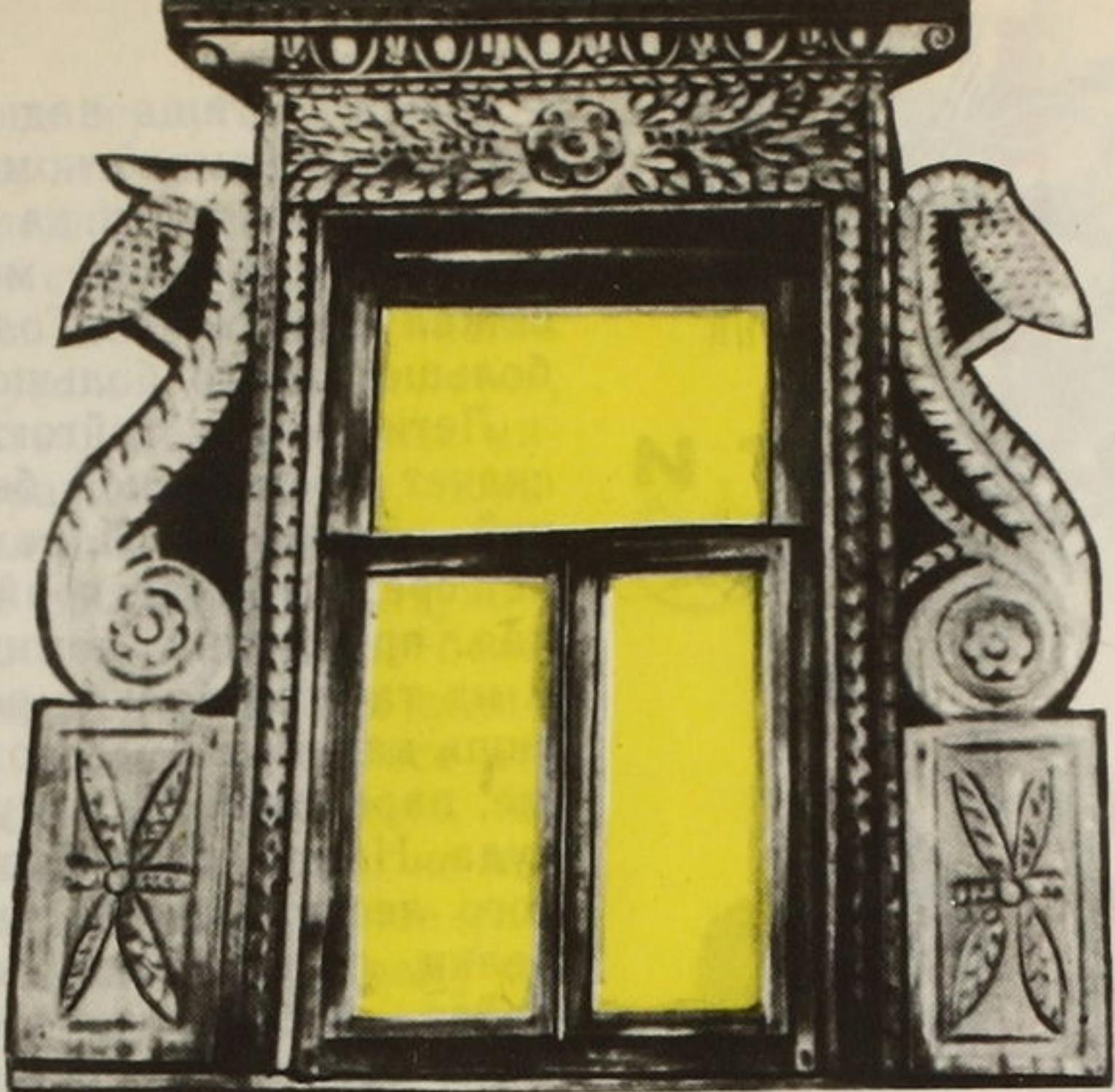

4

5

7

-
1. Рубанок.
 2. Старинный дом в деревне Вязилки.
 3. Ковш.
 4. Нарядные расписные санки.
 5. Рубель.
-

8

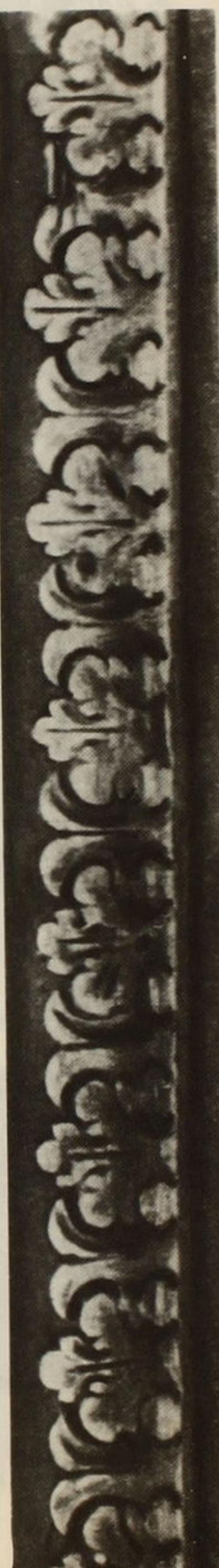
9

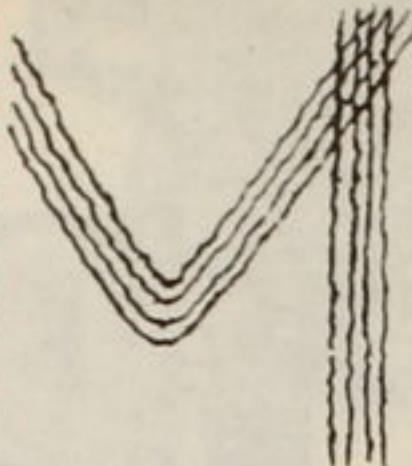
10

11

-
6. Светец.
 7. Резные оконные наличники.
 8. Настенное блюдо.
 9. Берестяной туесок.
 10. Сольница деревянная.
 11. Деревянный кубок.
-

- НАЧАЛО ПУТИ

В. ЛАРИН

Рис. Н. УСТИНОВА

Когда летишь над Сибирью, внизу, в круглом самолётном окошке, видишь одну только тайгу да тайгу.

Обычно говорят: море тайги. Это, пожалуй, верно. Только тайга куда больше самого большого моря.

Летишь над тайгою, тень самолёта скачет по неровной берёзовой и хвойной её крыше. И редко-редко мелькнёт среди этой бескрайней зелени скучная пригоршня домишек — деревня. А на тёжких реках редко-редко заметишь какую-нибудь лодку или, того реже, пароходик. Некому тут плыть и некуда. Никто здесь не живёт, кроме дикого лесного зверя: медведя, соболя, белки, лисы, зайца да лося, сохатого. Тайга. Кричи сколько сил хватит: «Ay! Ay!» Не докричишься. Голос твой ударится о дальние сопки, словно футбольный мяч, и прилетит обратно. «A-ay!» Тайга, зелёная пустыня...

Но издавна знали люди: тайга — это несметное богатство.

Первое, самое близкое богатство — лес, древесина. Лес тёжкий надо рубить, не то он состарится, перезреет, станет гнить и падать и так пропадёт задаром. А ведь древесина очень нужна человеку. Из неё делают бумагу для книг и тетрадей, строят прочные тёплые дома, делают мебель — столы и стулья, и оконные рамы, и пол в твоём городском доме. А если потеснить немного тёжких великанов, освободится место для колхозных полей, для покосов — земля здесь плодородная.

Но это ещё не главное богатство тайги. Главное спрятано глубоко под корнями могучих деревьев и ещё глубже — под твёрдой, как кость, вечной мерзлотой, и ещё глубже — под подземными гранитными скалами, в самых тайных погребах Земли.

Ходят по тайге геологи. Бьют в земле глубокие шурфы, бурят скважины, лазят по тёжким скалам. Осенью, когда ударят сибирские морозы и по-

летит снег, геологи вернутся в город — кто на вертолёте, кто на лошадях, кто на лодке по последней воде. Соберутся геологи вместе и станут рассказывать, кому что удалось найти: «Мы нашли железо», «А мы уголь», «А мы золото», «А мы газ и нефть», «А мы ценные минералы...» Разворачивают карту, показывают, где спрятаны месторождения.

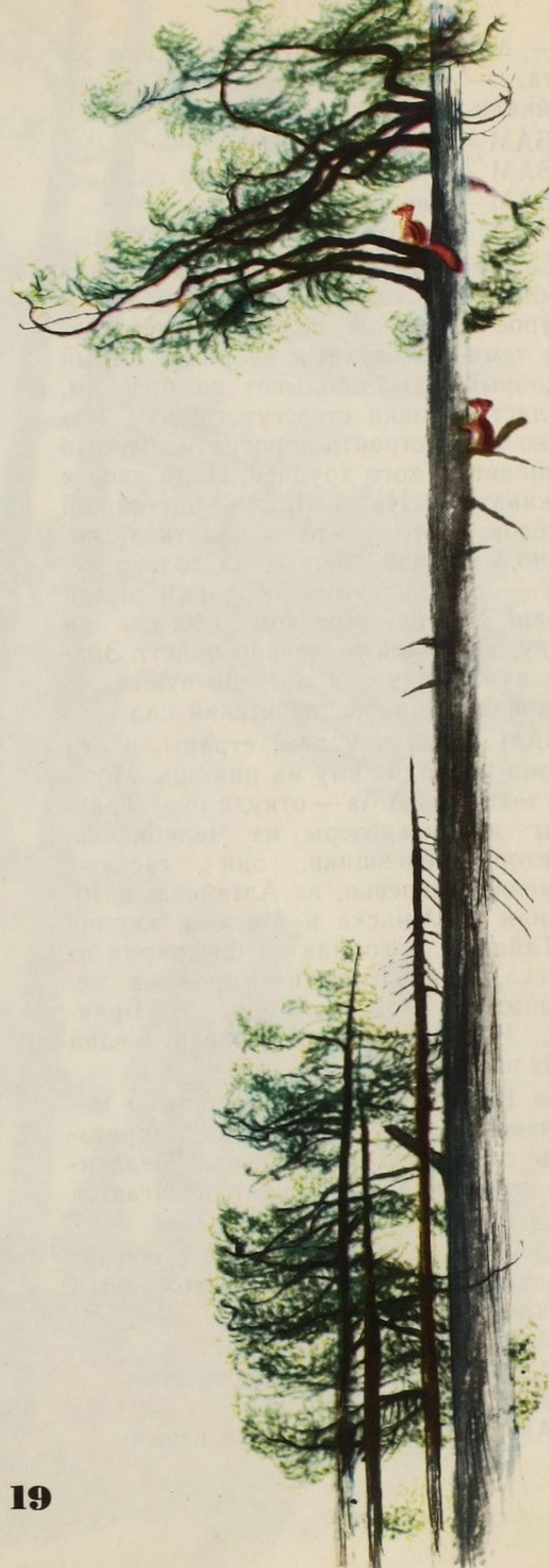
А как же всё это добыть? Нужны машины, нужны люди, нужны большие посёлки и целые города. Но если бы даже и удалось добыть, куда все эти богатства денешь? На лошадях, на лодке, даже на вертолёте много не вывезешь... Эх, знать бы волшебное слово: «По щучьему велению, по моему хотению появись тут, в непролазной тайге, появись, железная дорога!» Тогда бы как хорошо: нагрузил поезд... нет, то там поезд — нагрузил бы сто, тысячу поездов и вези. На поезде много умещается — платформы с громадными брёвнами, с досками и вагоны, вагоны, — железо, медь, каменный уголь... Но железной дороги такой нет, и волшебного слова мы не знаем...

Погоди. А нужны ли нам волшебные слова? Это только кто слабый, кто сам толком ничего не умеет, тот надеется на волшебство.

В медвежьей тайге, на берегу быстрой речки Таюры стал расти палаточный город. Появились люди — весёлые, сильные, молодые. Холодна речка Таюра, а им ничего — утром искупаются, поплотнее позавтракают и на работу.

 — Кто вы? — грозно спросит тайга.
— Рабочие люди.
— Я шофер.
— Я бульдозерист.
— Я экскаваторщик.
— Я плотник.
— Я лесоруб.
— Мы все комсомольцы.

Вот они, значит, как звучат настоящие волшебные слова!

— Мы приехали, — продолжают ребята, — строить железную дорогу, Байкало-Амурскую магистраль, БАМ.

БАМ — гудит по тайге.

БАМ — уходят в мерзлоту сваи.

БАМ — звенят топоры.

БАМ — грохочут мирные взрывы.

Самое начало пути. Громадная стройка ещё только рождается. Утром хмурое сибирское солнце встаёт всё над теми же глухими дебрями. Серый недобрый туман плывёт по болотам, скалистые сопки стерегут тишину. Нелегко здесь строить дорогу. А тому, кто начинает, и того труднее. Надо скорее обживаться. Надо ставить настоящий посёлок. Потому что в палатках, конечно, хорошо пожить, да только летом — с сибирскими морозами шутки плохи! Хорошо утром сбегать на речку, но зимой-то каково будет? Значит, нужна баня. И магазин нужен. и столовая, и школа, и детский сад.

БАМ на виду у всей страны, и вся страна приходит ему на помощь. Мощная техника БАМа — откуда она? Тракторы и бульдозеры из Челябинска, тракторы-трелёвщики, они таскают сваленные деревья, из Алтайска, автомобили из Минска и Москвы, кирпич из Тайшета, походная хлебопекарня из Бийска, экскаваторы из Воронежа, передвижная электростанция из Брянска... И так можно перечислить едва ли не все города Союза.

На БАМ идут новые машины и механизмы. На БАМ продолжают приезжать строители-добровольцы. Медленно, неохотно, а всё же раздвигается тайга.

Просека, будущая дорога, шагает всё дальше, вглубь, по не хоженным прежде землям.

БАМ — гудит по тайге.

БАМ — уходят в мерзлоту сваи.

БАМ — звенят топоры.

БАМ — грохочут мирные взрывы.

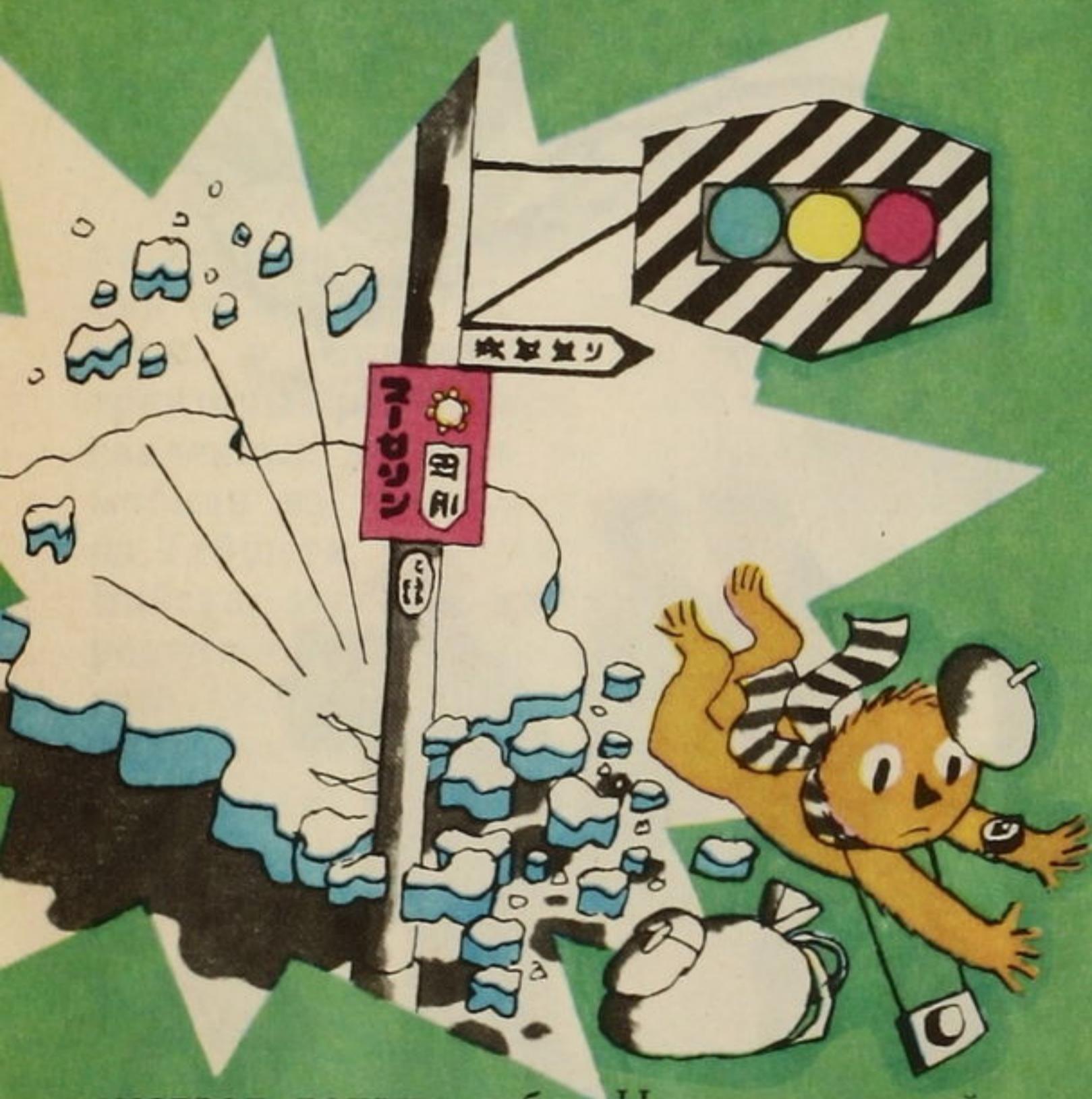
ПРИКЛЮЧЕНИЯ

рассказал

Он присел на ледяную глыбу, отёр пот и стал отбивать сосульку: ему захотелось пить. Он ударил раз, другой. Вдруг льдина сорвалась с места и понеслась вниз.

— Стой! — крикнул Мурзилка. Но льдина мчалась, как скутер. Она пролетела по склону, промчалась над каким-то посёлком, влетела на улицу города и врезалась в светофор. «Вот это полёт», — подумал Мурзилка, поднимаясь и отряхиваясь. Затем он по-

смотрел вокруг себя. Над его головой у крыши дома шелестели две большие бумажные рыбы. «Это столовая», — решил Мурзилка.

Он не знал, конечно, что начался праздник мальчиков, и над домом вывешивают столько бумажных карпов, сколько мальчиков живёт в доме. Он открыл дверь. На полу возле скатерти сидели два мальчика, а невысокая женщина накладывала им в та-

релки горячую лапшу. Мурзилка смущался, но женщина поклонилась и знаком пригласила его к столу. Ему поставили тарелку и положили рядом две палочки. «Интересно, — подумал Мурзилка, — зачем это?» А мальчики улынулись и стали быстро подхватывать лапшу и отправлять её в рот. Тогда и Мурзилка принял вид знатока и стал подхватывать палочками лапшу. Первый раз лапша пролетела мимо уха, второй раз просыпалась. Но наконец Мурзилка справился с палочками и сказал: «Это куда интересней, чем вилкой». А когда тарелка опустела, он поклонился и сказал: «Аригато». Мальчики стали его спрашивать, откуда он. Мурзилка достал из рюкзака карту и показал, как плыл и в какие моря собирается. Мальчики всплеснули руками и потянули его на улицу, в порт. Они тоже любили плавание. Рядом с рыбакскими шхунами стояла маленькая лодка. Они сколотили её сами.

— Конечно, на ней в большое плавание не отправишься, — улыбнулся Мурзилка. — Но лодка хорошая. — Он прыгнул в неё и стал рассматривать, как бравый матрос.

В это время подул ветер, и лодку понесло от берега. Мурзилка заметался. Но его не понимали. Все думали, что он решил прогуляться. А волны поднимались всё выше и выносили его в открытый океан.

Продолжение следует

ПИСЬМО ЖУРНАЛА «МУРЗИЛКА» СЕЛЬСКИМ ОКТЯБРЯТАМ

Скоро праздник Октября. Скоро каникулы. Скоро Поход Дружбы.

Поедут городские ребята в гости к сельским октябрятам. Повезут самодельные подарки, станут придумывать общие игры.

Не правда ли, обидно, когда ко всем друзьям приедут, а к вам нет?

Но приедут и к вам, если...

ЕСЛИ ВЫ ПОСЛУШАЕТЕСЬ СЕКРЕТНОГО СОВЕТА «МУРЗИЛКИ»

 Соберитесь вместе. Подумайте, как написать в город такое послание-приглашение, чтобы у него была чудесная сила.

Все любят приятные неожиданности. Всем интересно ехать в гости, когда знаешь, что тебя ждут.

Решите, какой вы приготовите гостям сюрприз.

Напишите о трёх ваших желаниях. Например, чего у вас нет, но без чего в октябрьской жизни не обойтись? Что бы вам хотелось сделать, да без помощи старших не получится? Чем вместе с друзьями-пионерами заняться?

Приглашение станет почти волшебным, если тот, кто рисует, изобразит на нём дорогу из города в ваше село. Как и на чём к вам добраться — на поезде, автобусом или пешком, как вас отыскать. Ещё нарисует портреты ребят-октябрят. Если портреты не получатся, можно послать фотографии, но чтобы на лицах было видно, как вы будете гостей-горожан ждать.

Куда же посыпать приглашение? Ясно куда — в ближайший город, в Дом пионеров.

Напишите нам потом, какой была у вас встреча. Договорились?

ХУДОЖНИК И СКАЗКА

Давно, ещё с детства, люблю я сказку братьев Гримм про храброго портного Ганса. Помните, как неунывающий портной одним махом уокошил семь мух и после такого подвига вышил на своём поясе грозную надпись: «Когда злойываю, семерых убиваю!» Потом Ганс отправился в путешествие, полное необычайных приключений. В пути он одолел могучего великана, справился с двумя страшными разбойниками, а напоследок хитроумный портняжка одержал победу над чудищем-единорогом и этим своим геройством до того перепугал короля, что тот покинул свой трон и дал стрекача вместе со свитой.

Про храброго портного я вспомнил недавно, когда побывал у своего друга художника Евгения Монина. Он показал мне последнюю работу — рисунки к новому изданию сказок братьев Гримм. Много рисунков, чуть не год трудился художник. Евгений Монин прирождённый сказочник. Не только великана или фантастического единорога, но и обыкновенного человека, простое дерево или траву художник умеет изобразить так, что сразу понимаешь: и человек, и дерево, и трава не откуда-нибудь, а из сказки. И цвет, краски, которыми пользуется художник, какие-то волшебные, праздничные. Но в сказочных его рисунках много правды. Поглядите, как уютно расположились на рисунке силы разбойники: пускают

мыльные пузыри и не подозревают, что пришёл им, разбойникам, конец. А вот единорог. Ганс заманил его в ловушку. Чувствуете, как безнадёжно застрял его единственный рог в стволе — ни туда, ни сюда? А на тупом лице великана, которого портной заставил тащить дерево, словно написано: «Да, такого глупца, как я, нетрудно вокруг пальца обвести!»

От сказки к сказке бродил я в мастерской художника. Видел на картинках и весёлых бременских музыкантов, и мудрую бабушку Метелицу, и удивлённую кошку из сказки «Три счастливца». А сколько волшебных замков и сказочных городов! Евгений Монин любит рисовать города, старинные дома со шпилями. Один нарисованный им ночной город висит у меня в комнате на самом видном месте. Я подолгу смотрю на эту кар-

тину, тоже сказочную, вижу, как луна освещает таинственную улочку, причудливые балконы, крыши с окошками чердаков, и, кажется, слышу одинокие шаги запоздалого прохожего...

Книга «Сказки братьев Гримм» будет напечатана в издательстве «Малыш». А пока захотелось на страницах «Мурзилки» познакомить вас хотя бы с рисунками к сказке о храбром портном. Обо всех рисунках рассказать невозможно, да, впрочем, не стоит рассказывать — многие из вас, быть может, увидят в них то, чего я не разглядел: ведь одно и тоже разные люди видят по-разному. Особенно художники. Они могут вроде бы заново открыть для нас давно знакомую сказку. Как это сделал замечательный художник Евгений Григорьевич Монин.

я. АКИМ

Э. УСПЕНСКИЙ

ОХОТНИК

Я до шуток не охотник,
Что скажу — скажу всерьёз.
Шёл по улице охотник,
На базар добычу нёс.

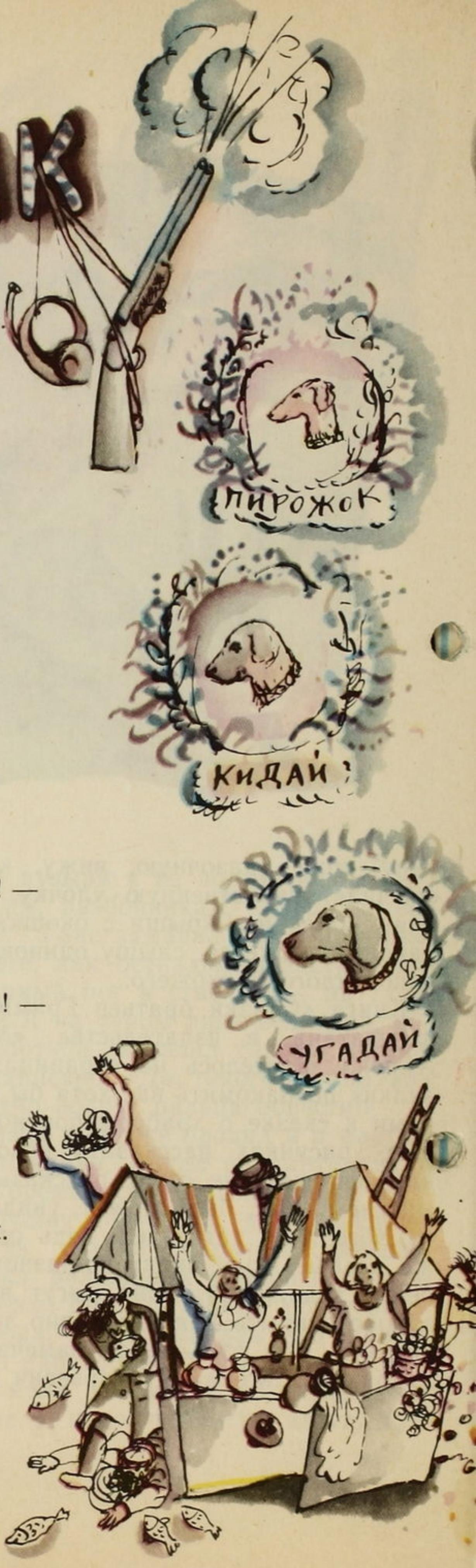
Рядом весело бежали
Псы его, которых звали:
Караул, Пожар, Дружок,
Чемодан и Пирожок,
Рыже-огненный Кидай
И огромный Угадай.

Вдруг из рыночных ворот
Им навстречу вышел кот.
Караул взмахнул хвостом
И помчался за котом.

А за ним Пожар, Дружок,
Чемодан и Пирожок.
Наш охотник осерчал,
Во всё горло закричал:
— Караул! Дружок! Пожар! —
Всполошился весь базар.
А охотник не молчит,
Он себе одно кричит:
— Ой, Пожар! Ко мне, сюда! —
Люди поняли — беда.

Поднялась такая давка,
Что сломали два прилавка.
Где уж тут собак найти,
Дай бог ноги унести.
Опечалился охотник:
— Я теперь плохой работник.
Мне ни белки не подбить,
Ни лисицы не добыть.

Час прошёл,
Другой прошёл.
Он в милицию пришёл.

— У меня, друзья, пропажа.
То ли случай,
То ли кража.
У меня пропал Дружок,
Чемодан и Пирожок.

Старший выслушал его,
Но не понял ничего:
— Не мелите что попало,
Повторите, что пропало.
— Чемодан, Дружок, Кидай...
— А ещё что?
— Угадай.

Капитан нахмурил брови,
Рассердился, закричал:
— Я училище в Тамбове
Не для этого кончал,
Чтоб загадочки гадать,
Чемоданчики кидать!
Не умею и не стану,
Без того забот не счёст.
Но вернёмся к чемодану.
У него приметы есть?

— Шерсть густая
Хвост крючком.
Ходит он чуть-чуть бочком.
Любит макароны с мясом,
Обожает колбасу.
Лает дискантом и басом
И натаскан на лису.

— Чемодан?
— Да, Чемодан. —
Поразился капитан.
— Что касается Дружка,
Он чуть больше Пирожка.
Подаёт знакомым лапу,
На соседей не рычит.

Тут дежурный рухнул на пол,
А потом как закричит:

— Я запутался в дружках,
Чемоданах, пирожках!
Вы зачем сюда пришли?
Или вы с ума сошли?

— А ещё пропал Пожар,
Тот, который убежал.

— Отвяжитесь, гражданин,
Позвоните «ноль один».
Ох, боюсь я, как бы, часом,
Сам я не залаял басом.

Наш охотник загрустил,
Очи долу опустил.

Грустный после разговора
Он выходит на крыльцо.
Перед ним собачья свора,
Все любимцы налицо.

Чемодан залаял басом,
Лапу протянул Дружок.
Заскакали с переплясом
Угадай и Пирожок.

Я до шуток не охотник
И рассказ закончу так:
Если ты, дружок, охотник,
Думай, как назвать собак.

Рис. Ник. ПОПОВА

НОЧНЫЕ СТРАХИ

А. МИТЯЕВ

Рис. А. ЛИВАНОВА

Мокрая осень не радост.
На улице сырьо, грязно. Внук Сер-
гей до чего ни дотронется, всё на
нём следы оставляет. Пруток под-
нял с земли, и тот ладошку из-
мазал.

Дед Сергей уехал с колхозни-
ками в город за удобрениями.
Вернётся поздно ночью. Внуку
скучно без деда. И бабушке Дуне
скучно. Чтобы меньше скучать,
они пораньше легли спать.

Легли-то легли, да никак не
спится. В окно дождик стучит,
словно просит пустить его в тёпл-
ый дом. А что делается в печной
трубе — и сказать невозможно.
Гудит там, шуршит, стонет...

Сергей знает — это ветер. Но в
всякий случай спросил бабушку:

— А почему в трубе гудит?

Бабушка Дуня в шутку, конеч-
но, говорит:

— Это черти там возятся. Тесно
им, вот и гудят.

— А какие черти?

— Чёрные, как козлы. Только
хвосты длиннющие.

Внук Сергей тут же соскочил со своего диванчика — и на кровать к бабушке.

Бабушка стала стыдить внука. И вроде бы уж пристыдила. Но в это время в трубе гуднуло совсем ужасно. А в сенях кто-то спрыгнул с чердака на лестницу и звонко, как на копытцах, поскакал по ступенькам вниз. Десять ступенек на лестнице — десять раз и скакнул.

— А там кто? — спросил внук Сергей. — Тоже чёрт?

Бабушка Дуня не знает, что сказать. Самой сделалось страшно. Не чёрт, но кто-то ведь прыгает?

Обхватила бабушка внука руками — никому ни за что не отдаст Сергея. Укутались одеялом с головой, лежат оба, не дышат. Свет бы пажечь, но выключатель на другой стене избы. Пока в темноте его нашаришь, умрёшь сто раз...

На счастье, дед Сергей приехал из города раньше, чем обещал. Он послушал страшный рассказ и велел внуку одеваться.

— Пойдём разузнаем, кто в сенях прыгал. Если своими глазами прыгуна не увишишь, страх так и будет сидеть в тебе.

Внук Сергей деда Сергея за руку держит крепко. Взявшись за руки, обошли сени. И увидели в углу старое решето.

— Вспомни-ка, — говорит дед Сергей, — лежала здесь эта штука днём? Не лежала. Она под крышей на гвозде висела. Ветер дунул, решето с гвоздя соскочило и запрыгало по лестнице.

Внук Сергей верит и не верит. Тогда дед Сергей залез на чердак и пустил решето по лестнице. Получилось такое же скакание, как в те страшные минуты. А теперь совсем не страшно было, даже весело. Решета испугались!

из старых номеров «Мурзилки».

ПОМОГИ ВСПОМНИТЬ

На уроке учитель прочитал нам стихотворение «Осень». Я запомнил стихи. А когда много лет спустя захотел прочитать это стихотворение, оказалось, что забыл последние слова строчек. Тогда я придумал много слов, которые могли бы подойти к стихам. Но с некоторыми из них не получается ни складу, ни ладу. Помогите вспомнить эти слова и скажите, кто написал стихотворение.

Осень. Осыпается весь наш бедный... (Лес? Луг? Сад? Куст?) Листья пожелтевые по ветру... (Мчатся? Летят? Кружатся?) Лишь вдали красуются там, на дне... (Оврагов? Ущелий? Долин?) Кисти ярко-красные вянущих... (Клёнов? Берёз? Рябин? Черёмух?)

Наступила осень. Подует ветер, и полетят с деревьев разноцветные листья — жёлтые, красные. Собери их и попробуй сделать вот такого петуха. А может, у тебя получится какая-нибудь другая птичка? Или цветок?

Рис. В. КУДРЯВЦЕВОЙ

П. ЛЕПАЛОВСКИЙ
ПЕРЕВЁРТЫШ

— Тит, я у дуба буду.

А. ШЛЫГИН
ТРИ КОСЫ

Одна живёт на речке,
Другая — на лугу,
А третью я за плечиком
Рукой достать могу.

ЗАГАДКА

Подрастают ножки —
И растут сапожки...
(кофта)

В. БАХРЕВСКИЙ
СКОРО-ГОВОРКА

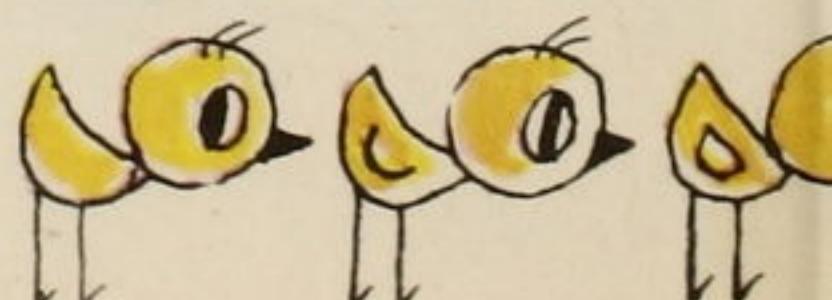
Говорит попугай попугаю:
— Я тебя, попугай,
попугаю! —
Попугаю в ответ
попугай:
— Попугай!
Попугай!
Попугай!

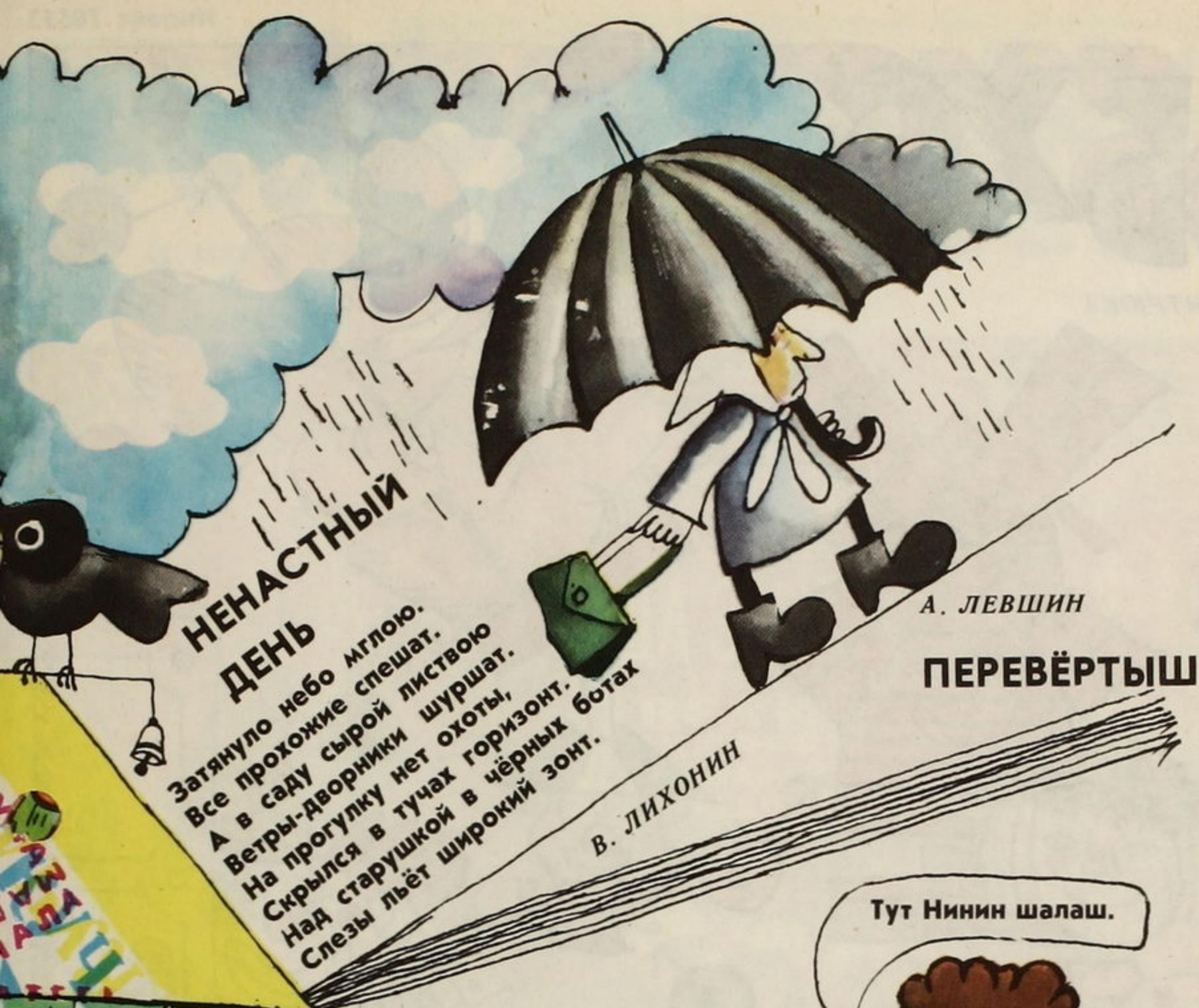

А. ДУБНИН
ХАЛВА

Говорила мне халва:
— Обо мне идёт молва,
будто раньше в чистом поле
я подсолнухом была.
А потом меня скосили,
долго били, колотили,
мяли, тёрли, варили,
сахар вкусный добавляли,
и потом хвалить лишь стали.
...И я слышу вздох халвы:
— Долг путь до похвалы!

Найди двух одинаковых цыплят

В. ЛАЗОВ

ЗЕБРА

— Вот так лошадка! —
Воскликнул Андрейка. —
Словно большая
Тетрадка в линейку!

Рис. Н. ХОЛЕНДРО

Тут Нинин шалаш.

СКОРО-ГОВОРКА

Дарья дарит Дине дыни.

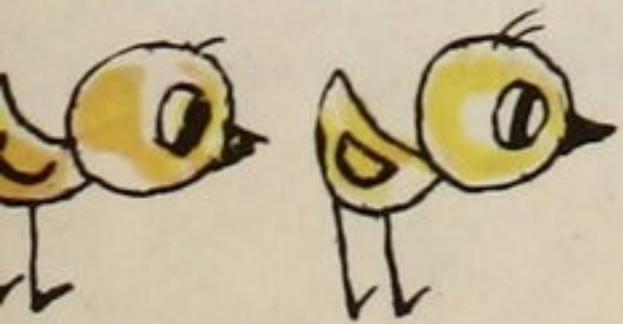

Рисунок
на обложке
В. ДУВИДОВА

Редактор
В. Матвеев

• Редколлегия:
З. Александрова,
С. Алексеев,
А. Барто,
Л. Воронкова,
А. Ермолаев,
Н. Емельянова,
Е. Ершова
(зам. редактора),
Ю. Казаков,
М. Коршунов,
А. Митяев,
Ю. Молоканов,
К. Орлова
(ответственный
секретарь),
Е. Рачёв,
Н. Чеснокова,
В. Чижиков

• Художественный
редактор
Г. Макавеева

• Технический
редактор
Л. Петрова

• Сдано в набор
13/VIII 1974 г.
Подписано к печати
30/VIII 1974 г.
Формат 84×108^{1/16}.
Печ. л. 2 (усл. 3,36).
Уч.-изд. л. 4.
Тираж 5 650 000 экз.
Цена 10 коп.
Заказ 1629.

• Адрес редакции,
издательства
и типографии
ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»:
103030, Москва,
К-30, ГСП-4,
Сущёвская, 21.
Телефон 250-45-08.

Ребус

Рис. В. ДМИТРЮКА

1 Кран и	2 ложка	3 замка	4 игрушки	5 мечьши
ц а	6 ЕРРОВЕРЬ	7 ВЕРЬ	8 ЕМЕНЬ	9 АЧЕЛИ
10 и л о	11 ЧИ Н	12 ВЕНОК	13 УЧКА	14 ЕМЕ
и в				

Разгадай ребус. В нём зашифрована пословица. Читай её в белых клеточках.